

в американский языковой котел» (Фишер); изменяется идиш; он не только принимает, но и отдает свои лексические единицы для развития американской топонимической лексики. В составе оронима Урба находится и тюркский компонент *-ба* со значением «река». Тюркский аппелятив используется для образования южноамериканского оронима Урба. Не может не вызывать удивления, как тюркский структурный элемент мог попасть в Венесуэлу, преодолеть океан и осесть в Южной Америке. Конечно он был завезен эмигрантами из Азии; гидроним был использован для образования оронима.

Река *Уртаксары* протекает в приграничной зоне Китая. Последний компонент этого гидронима соотносится с тюркским словом – сары – желтый. Река берет начало в горах Бенджингау; большую часть пути река протекает в гористой местности, и вода могла приобрести желтоватый оттенок, цвет камня отражается в воде. На границе Китая с Непалом находится перевал *Урай*. Два одноименных топонима находятся в разных странах, на очень большом расстоянии друг от друга (перевал в Китае и город на Урале). Столица Монголии Улан-Батор до 1924 г. носила название *Урга*.

Название древнего города *Ур* имеет широкий топонимический ареал: Америка, Азия, Западная и отчасти Восточная Европа. В качестве структурного элемента древнее географическое название служит для образования ойконимов в Германии, Швейцарии, Франции, Италии, Испании, Венгрии, Румынии, Турции, Норвегии. На востоке России можно встретить много сложных топонимов с компонентом *Ур-*, напр. Забайкалье, Западная и Южная Сибирь, Урал, Алтай, Дальний Восток и Кавказ. Европейская часть России, которая не была заселена тюркоязычным населением, имеет лишь несколько географических названий с компонентом *Ур-*, напр. *Урдом* в Тверской обл.

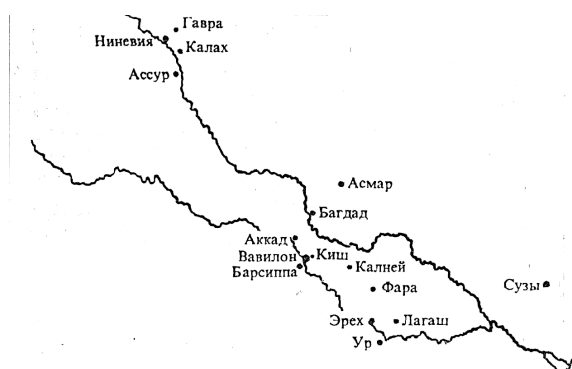
И без математических операций и арифметических вычислений видно, что в Западной Европе заимствований слова *Ур-* гораздо больше, чем на востоке Европы. Заимствование слова *Ур-*, по-видимому, шло в двух направлениях: через Турцию в Западную Европу, а потом и в Америку и в азиатском направлении на дальний Восток, в Южную и Западную Сибирь, в страны Средней Азии. Европейская часть России, Украина и Белоруссия были менее подвержены действию миграционного процесса слова *Ур-*, чем западная Европа и Сибирь. В России живет изрядная доля мусульман, однако Православно-Исламское общество не препятствовало проникновению на их территорию библейских географических названий, которые использовались населением для их нужд, в номинативной функции.

С другой стороны, на территории нынешней Украины жила большая еврейская диаспора, среди которой, прежде всего, распространялось религиозное вероучение с его идеями терпения и смирения; эта диаспора должна была способствовать заимствованию библейского географического названия, но это не происходит. Наоборот, православная церковь и еврейская диаспора не сыграли своей роли в заимствовании древнееврейского географического названия *Ур* на европейскую часть России, на Украину и Белоруссию.

Трудно сейчас однозначно ответить на вопрос «Почему?». Для этого нужно будет исследовать библейскую географию полнее и установить тенденции ее заимствования на другие континенты.

Литература

1. Геллей. Библейский справочник. «Библия для всех». – СПб., 2002. – 882 с.
2. Мурзаев Э. Словарь народных географических терминов. – М.: «Мысль», 1984. – 563 с.

Береснева Н. И., Мишланова С. Л. МЕТАФОРА КАК ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ ФЕНОМЕН: МЕЖДУ БЕСКОНЕЧНОСТЬЮ МИРА И ПРЕДЕЛЬНОСТЬЮ ЯЗЫКА

Антропоцентризм современной лингвистики предполагает рассмотрение языка во взаимосвязи с человеком, его мышлением, познанием, деятельностью. В связи с этим поднимается ряд проблем, решение которых представляется возможным в широком экстралингвистическом контексте с учетом основных положений когнитивно-дискурсивной теории языка и современной философии познания [5], [9]. Более того, очевидно, что попытка исследования фундаментальной философской проблемы бесконечности мира и конечности языковой системы не может быть успешной без обращения к лингвистическим категориям. Так, положительное решение вопроса о том, как возможно познание *бесконечного* мира *конечным* человеком, имплицитно включает и вопрос о роли и месте языка в этом процессе, раскрытие его универсальных возможностей.

Прежде всего, необходимо определить позицию в проблеме познаваемости мира и показать, что ответ на вопрос о его познаваемости связан с вопросом о языке. С одной стороны, процесс познания – бесконечное погружение ума в объективную реальность – никогда не может остановиться, поэтому бесконечность является атрибутом объективной реальности и присуща человеческому познанию. С другой стороны, современная наука исходит из того, что познавательный процесс включает в себя знаковые системы как необходимые средства, орудия для формирования образа на уровне, достигнутом абстрактным мышлением. При этом наиболее универсальной знаковой системой является естественный язык.

Именно поэтому языковую проблему можно поставить и как проблему отношения единичного ко всеобщему. Она звучит так: «Можно ли язык поставить в отношение ко всеобщему или он относится только к частному и единичному? Возможен ли язык вне категории всеобщего?». Но поскольку наименование единичного невозможно вне соотнесения его с общим, то отрицание всеобщего (познаваемости всеобщего) ведет к разрушению идеи языка как орудия его познания, а быть орудием познания – одна из главных, существенных функций языка. Хотя всеобщее есть категория мыслительная, мышление не может существовать, не будучи объективированным в языке. Как невозможно мышление без языка, так и язык невозможен без мышления, без всеобщего. Рациональное мышление – это мышление, которое от единичных фактов возводит ко всеобщему. Оно нуждается в языке. Разрушение одного (всеобщего, мышления) влечет разрушение другого. Бесконечное схватывается языком в силу объективного существования всеобщности, наличия всеобщих свойств.

Однако тогда возникает противоречие, поскольку, с одной стороны, естественный язык призван быть материальной формой отражения в сознании бесконечного в своих проявлениях объективного мира (то есть знаковая система языка должна быть до такой степени сложной, чтобы дать возможность фиксировать всю сложность объективного мира). С другой стороны, сложность структуры естественного языка как знаковой системы не может и не должна быть беспредельной. Ограничение количества знаков в системе определяется ограниченными физиологическими и психологическими возможностями человека.

Выход из этого противоречия видится в том, что принципиальная незамкнутость и незавершенность любого конечного, конечного вообще – это заложенная в конечном тенденция к бесконечности. Если взять слово как основную языковую единицу, наиболее типичный языковой знак, нужно признать, что оно содержит в себе в потенции возможность принимать бесконечное количество модификаций значения, смыслов. Иными словами, в языке отражена диалектика (единичное есть общее), и по мере расширения знаний человека, понятие, закрепленное словом, способно «впитывать в себя» новые смыслы.

Особого внимания в этой связи заслуживает, безусловно, поиск и описание механизма, обеспечивающего «приращение смысла» и развитие полисемии языковых знаков, т. е. механизма, регулирующего взаимоотношения языковой формы и бесконечного потока новых смыслов. В современных исследованиях показано, что интегративным объектом, объединяющим когнитивные процессы и из вербальную репрезентацию в каком-либо виде деятельности, является дискурс. Лингвокогнитивным феноменом, обеспечивающим развитие языковых знаков и, соответственно, являющимся ключом к решению проблемы соотношения бесконечности познания и предельности языковой системы, является метафора.

Метафора в данном исследовании рассматривается в качестве единицы дискурса. Производный характер метафоры предполагает интеграцию концептов, образованных в двух различных дискурсах. Признание концептуальной интеграции когнитивным механизмом дискурса позволяет принять широкое определение метафоры, в соответствии с которым метафорой является любой способ репрезентации концептов, между которыми улавливается семантическое сходство [3], [4], [11]. Минимальный фрагмент текста, в котором репрезентированы два концепта, имеющие какое-либо основание для сравнения, называется контекстом метафоры. Всего в исследовании было проанализировано более 3000 контекстов метафоры из научных текстов медицинского дискурса.

Экспликация концептуальной интеграции осуществляется в процессе текстообразования [13], [14]. Как известно, в основе текстообразования лежат процессы мышления, поэтому ведущим универсальным законом глубинного уровня текста является инкорпорирование. В соответствии с этим законом каждая последующая семантическая конструкция строится на основе предыдущей по принципу инкорпорирования, т. е. включения в общий смысловой комплекс. Закон инкорпорирования действует на глубинном уровне, однако его результаты в разнообразных формах отражаются на поверхностном уровне текста. Процесс инкорпорирования имеет в тексте две стороны: процесс образования семантической структуры – предикацию и результат этого процесса – номинацию. Предикация на поверхностном уровне обнаруживается в предикативной основе предложения, а номинация обычно выражается существительными и словосочетаниями. В то же время на поверхностном уровне действуют еще два взаимосвязанных и противоположно направленных текстовых механизма – это контаминация, имеющая целью развертывание текста, и компрессия, предназначенная для его свертывания.

Полученная в исследовании деривационная модель метафоры представляет метафоризацию как сложный, двухэтапный процесс: первый этап заключается в деривации вторичных предикативных структур, а второй – в компрессии этих структур и образовании производного, вторичного атрибутивного сочетания, дальнейшая компрессия которого приводит к образованию вторичной номинации. При этом очевидно, что в процессе метафоризации актуализируются основные, известные еще с античных времен типы метафоры – сравнение и предикативная метафоры (относящиеся к предикативным структурам), эпитеты (вторичные атрибуты) и метонимия (вторичная номинация). Иными словами, образование тропов соответствует разным этапам деривационного процесса текстообразования: *сравнение* («При множественных очагах воспаления рентгенологическая картина напоминает «ОБЛАЧНОЕ НЕБО» [7]; «...в этой же стадии появляются краевые остеолитические модификации в очагах, расположенные главным образом подвешенно, наподобие «НИТКИ ЖЕМЧУГА» [15]) и *метафора* («Фибриназа ... дополнительно «ПРОШИВАЕТ» полимеры фибрина за счет новых связей между гамма-цепями...» [10]) соответствуют стадии контаминации, или стадии метафоризации, текстообразования, рематизации; *эпитет* («ЧАПЛИНСКАЯ походка – движения резкие, мелкими шажками,

стопы вывернуты кнаружи. Наблюдается при гомоцистинурии (наследственное заболевание, связанное с нарушением метионинового обмена)» [8]; «КОРАЛЛОВЫЙ сустав», хондроматоз сустава. Множественные округлые, овальные или многогранные тела, окруженные по периферии бесструктурными кольцевидными затемнениями» [6] и *метонимия* («Реберные хрящи на месте перехода их в кость четкообразно утолщаются... У лиц, ранее страдавших рахитом, эти «ЧЕТКИ» можно пропальпировать...» [12]) – стадии компрессии, номинации, или стадии метонимизации.

Таким образом, выявление семиотической природы тропов и описание деривационных механизмов их образования в дискурсе дополняет данные о соотношении разных видов тропов, представленные в лингвистических исследованиях. Метафора при этом рассматривается не как компонент стилистических ресурсов языка, и даже не как способ экспликации концептуальной интеграции, а как механизм развития языкового знака в дискурсе, соотносимый с закономерностями деятельности и развития личности [1]. В свете когнитивно-дискурсивного направления лингвистики метафоризация представляет собой процесс развития языка в изменяющемся мире, а с точки зрения философии – снятие противоречия между конечностью языка и бесконечностью мира [5].

Способность слова связываться с различными по объему понятиями оценивается по-разному. Многие современные исследователи видят в этом явлении преграду познанию мира, в частности, философскому [см.: 2], объявляя естественный язык «кривым зеркалом» из-за способности слов обогащать свое смысловое поле (иной раз не в том направлении, какое задумано автором).

На самом деле способность слова связываться со все новыми и новыми понятиями является не преградой к познанию мира, а как раз условием этого познания. Эти явления являются взаимопроникающими и связаны диалектическими отношениями. Диалектическое единство материальной и идеальной сторон языка представляет собой не препятствие, а импульс для его развития в онто-, и филогенезе.

Итак, познание не представляет собой плоскостного процесса открытия отдельных вещей, собирания фактов. Познание движется от конкретных вещей к их обобщению и выявлению абстрактных понятий, к законам, концепциям – обобщениям. Затем все новые конкретные вещи подводятся под законы. Поэтому язык идет, повторяя процесс мышления. Ему нет необходимости расширять фонд, образуя понятия вместе с мышлением. Язык под старое понятие подводит новые конкретные единичные вещи. Значения слов могут изменяться через аккумуляцию, обогащение предшествующего содержания. Языковая форма позволяет смыслу постоянно накапливаться, концентрироваться, синтезироваться.

Перспективы исследования лингво-философских аспектов дискурса заключаются в обращении к таким категориям как языковая личность, концептосфера, межкультурное взаимодействие.

Источники и литература

1. Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. – 200 с.
2. Барабашев А. Г. Бесконечность и неопределенность // Бесконечность в математике: философские и исторические аспекты. – М.: Янус-К, 1997. – С.273-282.
3. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. – М.: Институт русского языка АН СССР, 1991. – 193 с.
4. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. – М.: Помовский и партнеры, 1994. – 351 с.
5. Береснева Н. И. Язык и реальность. Дис... д-ра филос. н. – Пермь, 2006. – 305 с.
6. Ветошук В. И. Эпонимические симптомы и синдромы в рентгенологии. – К.: Здоров'я, 1976. – 128 с.
7. Карнапата А. П., Федышкин П. С., Пыриг Л. А. и др. Дифференциальная диагностика внутренних болезней. – К.: Вища шк., 1984. – 272 с.
8. Крылова Н. И. Внешний осмотр больного и его диагностическое значение. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1992. – 320 с.
9. Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М.: ИЯ РАН, 1997. – 331 с.
10. Кузник Б. И. Иммуногенез, гемостаз и неспецифическая резистентность организма. – М.: Медицина, 1989. – 320 с.
11. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
12. Милькаманович В. К. Методическое обследование, симптомы и симптомокомплексы в клинике внутренних болезней. – Мн.: ООО «Полифакт -Альфа», 1995. – 672 с.
13. Мурзин Л. Н. Основы дериватологии: Конспект лекций. – Пермь: ПГУ, 1984. – 56 с.
14. Мурзин Л. Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие. – Свердловск: УрГУ, 1991. – 172 с.
15. Шуцяну Ш. Клиника и лечение ревматических заболеваний. – Бухарест: Медицинское издательство, 1983. – 627 с.

Богданович Г. Ю.

УСТОЙЧИВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ КАК ЯВЛЕНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Фразеология – особая языковая форма фиксации знаний: в небольшом объеме фразеологизм компрессирует материальный и духовный опыт, содержит в себе, по выражению Ф.И.Буслаева, «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам» [1, с. 204].

В синхронии фразеологизма всегда присутствует диахрония, элементы старой семиологии, отражающие ментальную картину мира других времен. Исследование устойчивых выражений в культурологическом аспекте – способ проникновения в ментальное пространство прошлых поколений и возможность выявления новой семиологии как результата изменения сознания и совершенствования способов передачи мысли.

Фразеологизмы относятся к числу этнопсихологически детерминированных средств языка: их семантика основывается на национально-культурных признаках материальной культуры и сознания.

Являясь «культуроносными» фактами, устойчивые выражения входят в дискурсы культуры наряду со стереотипами, метафорами, этикетными формулами и т.д.

Семантика фразеологизмов проявляет базовые коды этнической культуры. Для русской культуры – это коды, соотносящиеся с архетипическими представлениями: соматический (телесный), пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный [2, с. 233].